

ЧАРЛЬЗ БУКОВСКИ



ПОЧТАМТ

Чарльз Буковски

Почтамт

«ЭКСМО»

1971

Буковски Ч.

Почтамт / Ч. Буковски — «Эксмо», 1971

ISBN 978-5-699-23285-7

Чарльз Буковски – один из крупнейших американских писателей XX века, автор более сорока книг, среди которых романы, стихи, эссеистика и рассказы. Несмотря на порою шокирующий натурализм, его тексты полны лиричности, даже своеобразной сентиментальности. Свой первый роман «Почтамт», посвященный его работе в означенном заведении и многочисленным трагикомическим эскападам из жизни простого калифорнийского почтальона, Буковски написал в 50 лет. На это ушло двадцать ночей, двадцать пинт виски, тридцать пять упаковок пива и восемьдесят сигар.

ISBN 978-5-699-23285-7

© Буковски Ч., 1971

© Эксмо, 1971

Содержание

Часть 1	6
1	6
2	7
3	8
4	9
5	10
6	11
7	12
8	13
9	14
10	15
11	17
12	20
13	22
14	23
15	25
16	27
17	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Чарльз Буковски

Почтамт

Это является художественным произведением и никому не посвящается

ПОЧТАМТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ
ЛОС-АНДЖЕЛЕС, КАЛИФОРНИЯ
Отдел Почтмейстера
1 января 1970 г.
Меморандум 742

КОДЕКС НОРМ ПОВЕДЕНИЯ

Настоящим обращаем внимание всех сотрудников на Кодекс Норм Поведения для почтовых служащих, изложенный в Разделе 742 Почтовой Инструкции, и Руководство для Работников, намеченное в Разделе 744 Почтовой Инструкции.

Уже много лет почтовые служащие держатся прекрасной и не превзойденной иными группами государственных служащих традиции верно служить Нации. Каждый служащий должен испытывать чувство большой гордости за эту традицию преданной службы. Каждый из нас должен стремиться сделать достойным свой вклад в непрерывное движение Почтовой Службы к будущему прогрессу в интересах общества.

Весь почтовый персонал обязан действовать с неуклонной порядочностью и безусловной преданностью интересам общества. Мы надеемся, что почтовый персонал будет соблюдать высочайшие нравственные принципы и блюсти законы Соединенных Штатов, а также правила и политику Почтового Департамента. Требуется не только высоконравственное поведение, но официальные лица и наемные работники должны тщательно избегать действий, которые могут быть истолкованы как препятствующие исполнению обязанностей почтового служащего. Данные обязанности должны выполняться сознательно и с пользой. Почтовая Служба обладает уникальной привилегией ежедневного общения с большинством граждан Нации и является во многих случаях средством их наиболее непосредственного общения с Федеральным Правительством. Таким образом, каждому почтовому работнику представляется особая возможность и ответственность действовать с честью и достоинством, заслуживающими общественного доверия, что отражает ценность и заслуги Почтовой Службы и всего Федерального Правительства.

Все служащие обязаны изучить Раздел 742 Почтовой Инструкции «Основные Нормы Нравственного Поведения, Личное Поведение Служащих, Ограничения Политической Деятельности и т. д.».

Подпись Ответственного Лица

Часть 1

1

В начале была ошибка.

Стояло Рождество, и от алкаша, жившего на горке, я узнал, что туда берут чуть ли не всех подряд: он проделывал этот финт каждый год, потому я и пошел. И не успел глазом моргнуть, как у меня на горбу оказался кожаный мешок, и я его в свое удовольствие тащу. Вот так работенка, подумал я. Семечки! Дают всего квартал или два, и если удастся их закончить, штатный почтальон скажет разнести еще один, или, может, вернешься, и в сортировке сунут еще – никакой спешки, распахиваешь себе поздравительные открытки по ящикам.

Кажется, на второй день рождественской шары за мной письма разносить увязалась эта здоровая тетка. Здоровая в том смысле, что у нее была здоровая задница, здоровые сиськи, и вся она в нужных местах была здоровенной. Вроде как не в себе, но я глаз не мог оторвать от ее тела, и мне было наплевать.

Она трещала, не закрывая рта. Тут-то все и прояснилось. Муж ее служил офицером на острове где-то очень далеко, а ей одиноко стало, понимаете, живет себе в домике на задворках совершенно одна.

– В каком домике? – спросил я.

На клочке бумаги она черкнула адрес.

– Мне тоже одиноко, – сказал я. – Загляну вечером, поговорим.

Я жил тогда с одной, но моей бабы регулярно не бывало дома, шлялась где-то, и я был одинок без базара. Одиноко без такой вот здоровой задницы, что стояла рядом.

– Ладно, – сказала она, – до вечера.

Хороша-то она хороша, тетка что надо, но, как и со всеми тетками, после третьей или четвертой ночи я начал терять интерес и больше к ней не возвращался. Но не давала покоя мысль: боже, у почтальонов других дел нет – только письма разносить да трахаться. Это работа для меня, о да да да.

2

Поэтому я пошел на экзамен, сдал его, пошел на медкомиссию, прошел ее, и вот я – подменный доставщик. Начиналось легко. Меня отправили на участок Западный Эйвон, и все было совсем как на Рождество, только без траха. Каждый день я ждал, что меня трахнут, но меня не трахали. Бугор же был нормальный, и каждый день я, гуляючи обходил то один квартал, то другой. У меня даже формы не было, одна кепка. Я носил обычную одежду. Мы так с моей Бетти кирали, что на одежду едва ли оставалось.

Затем меня перевели на Оукфордский участок.

Сортировкой заправлял бычина по фамилии Джонстон. Там была текучка, и я понял из-за чего. Джонстон любил носить темно-красные рубашки – они означали опасность и кровь. Сменщиков было семеро: Том Мото, Ник Пеллигрини, Герман Стрэтфорд, Роза Андерсон, Бобби Хансен, Гарольд Уайли и я, Генри Чинаски. Начало – в 5 утра, и я там единственный кираю. Я всегда квасил допоздна, а в 5 утра мы уже сидели, дожидаясь, чтоб зачли время, вдруг кто из штатных заболит. Штатные обычно бюллетенили, когда шел дождь или стояла жара, или сразу после праздников, когда почты больше в два раза.

40 или 50 разных маршрутов, может, с верхом, один сложнее другого, ни в жисть не запомнишь, надо забирать почту и к 8 утра быть как штык к развозке, а Джонстону все божья роса. Сменщики развозили журналы по перекресткам, оставались без обеда и подыхали прямо на улицах. Джонстон давал нам паковать ящики по маршрутам на 30 минут позже – знай крутился в красной рубашке на своем кресле:

– Чинаски, берешь пятьсот тридцать девятый!

Начинали мы на полчаса позже, но все равно должны были развезти, доставить, да еще и вернуться вовремя. И раз или два в неделю, уже разбитые, отпидарашенные и выебанные, выходим в ночную сортировку, а расписание, пришпиленное к доске, – хреновее некуда: грузовик с такой скоростью просто не ездил. В первом завозе приходилось четыре-пять ящиков пропускать, а к следующему их уже заваливали почтой, и ты вонял и бегал, потев и распахивая все по мешкам. Нормально меня трахнули. Джонстон позаботился.

3

Джонстону потакали сами сменщики – они повиновались его невозможным приказам. Я не понимал, как такому чудовищу позволено занимать такую должность. Штатным было до лампочки, профсоюзный деятель никуда не годился, поэтому я накропал тридцатистраничный рапорт в один из выходных, отправил копию Джонстону, а вторую взял с собой в Федеральное здание. Ярыжка велел мне обождать. Я ждал, ждал, ждал. Я ждал час и тридцать минут, затем меня ввели, и я увидел седого человечка с глазами, как сигаретный пепел. Он даже не попросил меня присесть. Он заорал, едва я переступил порог:

– Умничаешь, значит, сукин сын, так?

– Вы б не выражались, сэр!

– Вот умник выискался! Сучата, словарей нахватались и вынакиваются!

Он замахал на меня моими бумагами. И завопил:

– МИСТЕР ДЖОНСТОН – ПРЕКРАСНЫЙ ЧЕЛОВЕК!

– Глупости. Он – очевидный садист, – ответил я.

– Ты сколько работаешь на почте?

– Три недели.

– МИСТЕР ДЖОНСТОН РАБОТАЕТ НА ПОЧТЕ УЖЕ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ!

– А это тут при чем?

– Я сказал: МИСТЕР ДЖОНСТОН – ПРЕКРАСНЫЙ ЧЕЛОВЕК!

Бедняге, наверно, хотелось меня пришибить. Должно быть, они с Джонстоном спали вместе.

– Хорошо, – сказал я, – Джонстон – прекрасный человек. Выкиньте всю эту поеботину из головы.

Я ушел и взял себе назавтра отгул. Без содержания, конечно.

4

Когда Джонстон увидел меня на следующее утро в 5, он крутнулся на кресле – лицо и рубашка у него были одного цвета. Но ничего не сказал. По барабану. До 2 часов ночи я кирил и трахался с Бетти. Я откинулся на стену и закрыл глаза.

В 7 Джонстон развернулся в кресле снова. Остальных сменщиков уже отправили на работу или послали на другие участки, где требовалась помощь.

– Это все, Чинаски. Сегодня для тебя ничего нет.

Он наблюдал за моим лицом. Черт, какая разница. Мне хотелось одного – лечь в постель и задрушлять.

– Ладно, Стон, – ответил я. Среди доставщиков он проходил под кличкой Стон, но только я называл его так в лицо.

Я вышел, мой драндулет завелся, и вскоре я уже был в постели с Бетти.

– О, Хэнк! Как мило!

– Чертовски верно, крошка! – Я подтянулся к ее теплому хвосту и уснул за 45 секунд.

5

Но на следующее утро произошло то же самое.

– Это все, Чинаски. Сегодня для тебя ничего нет.

Так продолжалось неделю. Я сидел там каждое утро с 5 до 7, и мне не платили. Мое имя даже вычеркнули из ночной сортировки.

Потом Бобби Хансен, один из сменщиков постарше – по выслуге, – сказал мне:

– Он раз мне тоже так сделал. Старался, чтоб я с голоду подох.

– Да плевать. Жопу я ему целовать не собираюсь. Или уволюсь, или с голоду подохну – все равно.

– Не обязательно. Докладывайся каждый вечер на участке Прелл. Скажи в сортировке, что здесь у тебя работы нет и ты можешь сидеть сменщиком особой доставки.

– А так можно? Не запрещают?

– Я раз в две недели зарплату получал.

– Спасибо, Бобби.

6

Забыл, когда начинал. В шесть или 7 вечера. Где-то около.

Я садился с кучкой писем, брал карту улиц, прикидывал свою пробежку – и только. Легко и просто. Все водители на прикидку своих маршрутов тратили гораздо больше времени, чем необходимо, и я тоже не высывался. Уходил, когда уходили остальные, возвращался вместе со всеми.

Затем делал еще один маршрут. Оставалось время посидеть в кофейне, почитать газеты, почувствовать себя человеком. Даже пообедать успевал. Когда нужен был отгул, я брал отгул. На одном маршруте была такая крупная деваха, она каждый вечер получала заказные письма. Шила сексапильные платья, ночнушки и сама же их носила. Ты взбегал по ее крутым ступенькам около 11 вечера, давил на звонок и вручал ей заказное. Она тихонько ахала, что-то вроде:

– OOOOOOOOOOOOOOxxxxxxxXHHX! – а сама стояла близко, очень близко, и не отпускала тебя, пока не прочтет письмо, а затем говорила: – OOOOOoooх, спокойной ночи, спасибо ВАМ!

– Да, мэм, – отвечал ты, отваливая трусцой, елда набухла, как у быка.

Но это неминуемо должно было кончиться. Конец пришел по почте недели через полторы свободы.

Уважаемый мистер Чинаски,

Вам надлежит явиться на Оукфордский участок незамедлительно. Отказ повлечет за собой возможные меры дисциплинарного порядка или увольнение.

А. Э. Джонстон, начальник,

Оукфордский участок.

Я снова был на кресте.

7

– Чинаски! Берешь пятьсот тридцать девятый!

Самый херовый на участке. Многоквартирные дома с ящиками, где имена соскоблены или же их вообще никогда не было, под крошечными лампочками в темных вестибюлях. На лестницах стояли старухи – они встречались по всей улице, задавали один и тот же вопрос, как один человек с одним голосом:

– Почтальон, у вас для меня почта есть?

И хотелось орать: «Бабка, откуда, к чертовой матери, я знаю, кто ты такая, кто я такой и кто вообще тут все?»

Пот капает, бодун, график невозможный, да еще Джонстон сидит в своей красной рубашке и знает про это все, наслаждается, делает вид, что идет на это ради снижения расходов. На самом деле все знали, зачем он так поступает. Ох, какой же он прекрасный человек!

Люди. Люди. И собаки.

Давайте, я расскажу вам о собаках. Стоял такой 100-градусный день,¹ а я бежал, потея, больной, похмельный, в полубреду. Остановился у небольшого жилого дома, где почтовый ящик внизу, прямо на мостовой. Отщелкнул его своим ключом. Ни звука. Вдруг чувствую – кто-то тычется мне сзади в промежность. И шевелится там. Оборачиваюсь – немецкая овчарка, взрослая, и нос свой мне в очко чуть не наполовину засунула. Щелкнет челюстями разок – и все яйца выдерет. Я решил, что эти люди не получают сегодня свою почту – может, вообще никогда никакой почты не получают. В натуре, мужик, она там носом работала. НЮФ! НЮФ! НЮФ!

Я положил почту обратно в кожаную сумку, а затем очень медленно – очень – сделал полшага. Нос следом. Еще полшажка, другой ногой. Нос не отстает. Затем я делаю медленный, очень медленный полный шаг. За ним еще один. Не шевелюсь. Нос отклеился. Она стоит и на меня смотрит. Может, ей никогда не приходилось ничего подобного нюхать, и она не поняла, что нужно делать.

Я тихонько ушел.

¹ По Фаренгейту. 37,8 °С. – Здесь и далее прим. переводчика.

8

Была и еще одна немецкая овчарка. Стояло жаркое лето, и она ВЫНЕСЛАСЬ со двора и ПРЫГНУЛА в воздух. Зубы ее щелкнули, едва не прокусив мне кадык.

– О БОЖЕ! – заверещал я, – ОХ ГОСПОДИ БОЖЕ МОЙ! УБИВАЮТ! УБИВАЮТ! ПОМОГИТЕ! УБИВАЮТ!

Тварь развернулась и прыгнула снова. Я прямо в воздухе впаял ей хорошенько по морде мешком для почты, письма и журналы разлетелись. Тварь готовилась к прыжку еще раз, когда вышли двое парней, хозяева, и оттащили ее. Пока она смотрела на меня и рычала, я нагнулся и собрал письма и журналы – теперь их опять раскладывать по порядку.

– Вы, суки, ополоумели, – сказал я парням. – Это убийца, а не собака. Или усыпите ее, или на улицу не пускайте!

Я бы полез бить им морду, но между ними рычала и кидалась на меня эта собака. Я отошел к соседнему крыльцу и, ползая на четвереньках, переложил почту.

Как обычно, времени на обед не осталось, но я все равно на 40 минут опоздал в сортировку. Стон посмотрел на часы.

– Ты на сорок минут опоздал.

– А ты вообще не приходил, – ответил я.

– Так и запишем.

– Пиши-пиши, Стон.

У него в машинку был заправлен соответствующий бланк – он уже приступил. Я сидел, сортируя почту по ящикам и откладывая возвраты, а он подошел и швырнул бланк мне под нос. Я уже устал читать его докладные и по своему походу в город знал, что любой протест бесполезен. Не глядя, я кинул его ксиву в мусорную корзину.

9

На каждом маршруте были свои ловушки, и только штатные доставщики о них знали. Каждый день возникала какая-то проклятая засада, и ты всегда был готов к изнасилованию, убийству, собакам или какому-нибудь безумию. Штатные своих маленьких секретов не выдавали. Это было их единственным преимуществом – если не считать того, что свои маршруты они знали наизусть. Сплошной банзай для новичка – особенно такого, кто киряет допоздна, ложится в 2, встает в 4.30, ночь напролет трахается и орет песни, и ему все сходит с рук... ну, почти.

Как-то днем я был на улице, маршрут неплохо продвигался, хоть и новый, и я подумал: господи, может, впервые за два года я смогу пообедать.

Меня мучил ужасный бодун, но все равно шло хорошо, пока я не добрался до этой пачки почты, адресованной церкви. В адресе не было номера улицы – только название церкви и бульвара, на который она выходит. Я поднялся, с похмела, по ступенькам. Ящика отыскать не удалось, а людей внутри не было.

Какие-то свечи горят. Стоят миски, пальцы макать. Пустая кафедра на меня лыбится вместе со статуями: бледно-красными, голубыми, желтыми, фрамуги закрыты, вонюче жаркое утро.

Ох Иисусе, подумал я.

И вышел.

Обогнул церковь и наткнулся на лестницу в подвал. Дверь была открыта, я вошел. Знаете, что я увидел? Унитазы. И душевые кабинки. Но там было темно. Ни одна лампочка не горела. Как, черт побери, человеку в темноте почтовый ящик искать? Тут я увидел выключатель. Дернул, и весь свет в церкви зажегся – и внутри, и снаружи. Захожу в следующую комнату, а там облачения на столе разложены. И стоит бутылка вина.

Боже ты мой, подумал я, кого, к дьяволу, еще, кроме меня, могут застукать в таком положении?

Я взял бутылку, хорошенько приложился, оставил письма на рясах и вернулся к унитазам с душами. Выключил свет, посрал в темноте и выкурил сигарету. Подумал было принять душ, но мысленно увидел заголовки: ГОЛОГО ПОЧТАЛЬОНА ЗАСТАЮТ ЗА РАСПИТИЕМ КРОВИ ХРИСТА ПОД ДУШЕМ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ.

Поэтому в конце концов времени на обед не хватило, и когда я вернулся, Джонстон написал докладную, что я на 23 минуты выбился из графика.

Позже выяснилось, что почту для церкви доставляют в приходской дом за углом. Но теперь, разумеется, я знаю, где срать и подмываться, когда приспичит.

10

Начался сезон дождей. Большая часть моих денег уходила на пойло, стало быть, в башмаках подметки прохудились, а плащ был старым и рваным. Под любым маломальским ливнем меня изрядно мочило – я имею в виду мочило до костей: аж трусы с носками разбухали. Штатные доставщики начинали бюллетенить – они бюллетенили на участках по всему городу, поэтому работы было полно каждый день и на Оукфордском участке, и везде. Даже сменщики сказывались больными. Я бюллетень не брал – слишком уставал и не соображал как надо. В то утро меня отправили на участок Уэнтли. В самом разгаре был один из таких пятидневных ливней, когда вода хлещет сплошной стеной и весь город задирает лапки, всё задирает лапки кверху, канализация не успевает глотать воду, и та захлестывает тротуары, а в некоторых районах – газоны и даже дома.

Меня послали на участок Уэнтли.

– Там сказали, что им нужен хороший человек, – крикнул мне вслед Стон, когда я выходил под водяной саван.

Дверь закрылась. Если мой драндулет заведется, – а он завелся, – поеду в Уэнтли. Но это не важно: если машина не заводилась, тебя кидали в автобус. Ноги у меня уже промокли.

Бугор в Уэнтли поставил меня перед ящиком. В нем почты и так было под завязку, а я стал пихать еще больше вместе с другим подменным. Такого ящика я никогда в жизни не видел! Чья-то гнусная шутка. Я насчитал в нем 12 связок. На полгорода хватит. Мне только предстояло узнать, что весь маршрут идет по крутым холмам. Кто его придумал, совсем, наверное, ёбу дался.

Мы подняли и выволокли его, и только я собрался уходить, как бугор подошел и сказал:

– Я тут не смогу тебе дать никого в помощь.

– Все нормально, – ответил я.

Хрен там, нормально. Только гораздо позже я узнал, что он – первый кореш Джонстона.

Маршрут начинался от участка. Первый из 12 отрезков. Я вышел под стену воды и покандюхал вниз по склону. То был нищий район – домишки и дворики с почтовыми ящиками на одном гвозде, внутри полно пауков, а за окошками старухи вертят самокрутки, жуют табак, мычат что-то своим канарейкам и смотрят на тебя, придурка, заблудившегося под дождем.

Когда трусы намокают, они сползают вниз, вниз, вниз они сползают, облепляют ягодицы, а мокрую резинку этой дряни поддерживает только промежность штанов. Дождь размыл чернила на некоторых письмах; сигарета гореть не хотела. Нужно постоянно лазить в мешок за журналами. Первый отрезок, а я уже устал. Ботинки облепило грязью, по весу они стали, как сапоги. То и дело я наткался на что-нибудь скользкое и чуть не падал.

Открылась дверь, и старушка задала мне вопрос, слышанный уже сотню раз:

– А где сегодня мой обычный почтальон?

– Дама, ПРОШУ ВАС, откуда я знаю? Откуда, к чертовой матери, мне знать? Я – здесь, а он – где-то в другом месте!

– О-о, так вы и впрямь хулиган какой-то!

– Хулиган?

– Да.

Я рассмеялся и вложил толстое промокшее письмо ей в руку, перешел к следующей двери. Может, на горке получше будет, подумал я.

Еще одна старая кошелка – хочет казаться милой, спрашивает:

– А вам не хотелось бы зайти и выпить чашечку чаю, подсушиться немножко?

– Леди, неужели вы не понимаете, у нас нет времени даже трусы подтянуть.

– Трусы подтянуть?

– ДА, ТРУСЫ ПОДТЯНУТЬ! – заорал я на нее и ушел под стену дождя.

Закончил я первый отрезок. Он занял у меня около часа. Еще одиннадцать таких – значит, одиннадцать часов. Невозможно, подумал я. Должно быть, они повесили на меня самый поганый маршрут.

На горке оказалось хуже, поскольку туда приходилось тянуть еще и собственную тушу.

Полдень пришел и ушел. Без обеда. Четвертый или пятый отрезок. Даже в сухой день маршрут был бы невозможен. А теперь – невозможен настолько, что нельзя даже подумать о нем.

Наконец я вымок так, что решил: тону. Отыскал крыльцо с козырьком, где капало не очень сильно, встал и умудрился зажечь сигарету. Сделал примерно три спокойные затяжки, когда услышал за спиной голосок еще одной старушенции:

– Почтальон! Почтальон!

– Да, мэм? – спросил я.

– У ВАС ПОЧТА МОКНЕТ!

Я опустил глаза к мешку и точно – кожаный клапан открыт. Капля или две попали туда через дыру в козырьке.

Я ушел. Все, пиздец, подумал я: только идиот станет терпеть то, что приходится терпеть мне. Сейчас найду телефон и скажу им, чтобы приезжали, забирали почту – и в жопу их работу. Джонстон победил.

И вот едва я решил все бросить, мне полегчало. В дожде я разглядел здание у подножия холма: вдруг в нем окажется телефон. Я стоял на склоне. Спустившись, увидел, что это маленькое кафе. Работал обогреватель. Ладно, блин, подумал я, хоть обсушусь. Снял плащ и кепку, швырнул мешок с почтой на пол и заказал чашку кофе.

Кофе был очень черный. Выпаренный из спитой гущи. Хуже я никогда не пробовал, но он был горячий. Я выпил три чашки и просидел там час, пока не высох полностью. Затем выглянул наружу: дождь кончился! Я вышел, поднялся на горку и стал разносить почту снова. Не торопясь закончил маршрут. На 12-м отрезке я уже шел по темноте. К тому времени, как я вернулся в участок, стояла ночь.

Служебный вход был заперт.

Я забарабанил в жестяную дверь.

Появился маленький и теплый ночной дежурный и открыл.

– Ты где шлялся, черт побери? – заорал он.

Я подошел к ящику и сбросил мокрый мешок, полный возвратов, отказов и почты до востребования. Затем снял ключ и жажнул им по ящику. За ключ при выдаче и сдаче надо было расписываться. Этим я морочиться не стал. Дежурный стоял и смотрел на меня.

Я тоже на него взглянул.

– Паря, если ты мне скажешь еще хоть одно слово, если даже чихнешь, помоги мне господи, я тебя убью!

Паря не издал ни звука. Я отметился и ушел.

На следующее утро я все ждал, чтобы Джонстон повернулся ко мне и что-нибудь сказал. Он вел себя как ни в чем не бывало. Дождь закончился, и штатные больше не болели. Стон отправил троих подменных домой без оплаты, меня – в том числе. Я чуть не полюбил его за это.

Я пришел домой и пристроился к теплой заднице Бетти.

11

Но потом дождь пошел снова. Стон послал меня на так называемую Воскресную Выемку, и если вы думаете про церковь, то не стоит. Берешь грузовик в Западном Гараже и планшет. На планшете написано, какие улицы, во сколько там нужно быть и как проехать к следующему ящику для выемки. Вроде «14.32, угол Бичер и Авалона, ЛЗ П2 (что означает три квартала налево и два направо), 14.35», и не врубаешься, как можно вынуть почту из одного ящика, проехать пять кварталов за три минуты и закончить вычищать следующий. Иногда выемка всей воскресной почты только из одного ящика занимала больше трех минут. К тому же планшеты были неточны. Иногда переулок они считали улицей, а улицу – тупиком. Поди разберись, где ты.

Накрапывал такой затяжной дождик – не лило, но и не прекращалось. Местность, по которой я ехал, была новой, но, по крайней мере, читать планшет света хватало. Однако чем темнее, тем труднее становилось и читать (при свете приборной доски), и замечать ящики. Мало того, на улицах прибывала вода, и несколько раз я ступал в лужу по самые лодыжки.

Потом приборная доска погасла. Планшет не прочтешь. Где я – без понятия. Без планшета – как в пустыне заблудился. Но удача от меня еще не отвернулась – пока. У меня с собою было два коробка спичек, и, отправляясь к новому ящику, я чиркал спичкой, запоминал указания и ехал дальше. В кои-то веки я перехитрил Напасти, этого Джонстона в небесах, который наблюдал за мной сверху.

Тут я свернул за угол, выскочил разгрузить ящик, а когда вернулся – планшета НЕ БЫЛО!

Джонстон на Небеси, Смилуйся! Потерялся в темноте под дождем. Я что, в самом деле какой-то идиот? Сам на себя навлекая неприятности? Вполне возможно. Вполне возможно, я недоразвитый, и мне повезло, что я вообще пока жив.

Планшет был прикручен к доске. Я прикинул, что он мог выскользнуть из кабины при последнем резком повороте. Я закатал штаны, вылез из грузовика и побрел по колено в воде. Стояла темень. Никогда мне эту проклятую дрянь не найти! Я шел, чиркая спичками, – но ничего, ничего. Его смыло. На углу мне хватило здравого смысла заметить, куда течет поток, и я пошел по течению. Потом заметил, как что-то плывет, зажег спичку – ВОТ он! Планшет. Невероятно! Я чуть не расцеловал эту дрянь. Добрел до грузовика, влез, откатал штанины и по-настоящему прикрутил планшет к доске. Разумеется, из графика я уже давно выбился, но, по крайней мере, отыскал этот гадский планшет. Не потерялся на задворках Ебеней. Не придется звонить в двери и спрашивать, как проехать к почтовому гаражу.

У меня в ушах уже рычал голос какого-нибудь мудозвона из теплой гостиной: «Так-так. Вы же почтовый служащий, не правда ли? Вы что, не знаете, как вернуться в собственный гараж?»

И вот я поехал дальше, чиркая спичками, выскакивая прямо в водовороты и опорожня почтовые ящики. Я устал, промок и был с бодуна, но это мое обычное состояние, поэтому я форсировал вброд усталость, как потоки воды. Не переставая думал о горячей ванне, о прекрасных ногах Бетти и – для укрепления духа – представлял себя в кресле-качалке, со стаканом в руке, ко мне подходит собачка, и я треплю ее по голове.

Но до этого еще долго. Остановкам на планшете конца, похоже, не предвиделось, а когда я дошел до низу, там было сказано: «Переверните»; я перевернул планшет, и, естественно, на обороте был еще один список остановок.

С последней спичкой я сделал последнюю остановку, сдал почту на указанный участок – ну и куча же оказалась – и поехал назад в Западный Гараж. На западной окраине, а на западе

местность очень плоская, система стоков не справлялась с водой, и когда бы ни шел дождь, сколько бы он ни шел, у них начиналось то, что называется «потопом». Очень точное название.

Ехал я, ехал – а вода все прибывала и прибывала. Вокруг заглухшие и брошенные машины. Херово. А мне хотелось одного – скорее в это кресло, стакан скотча в кулак, и смотреть, как зад Бетти колышется по комнате. Тут на светофоре я увидел Тома Мото, еще одного джонстонского сменщика.

– Ты куда? – спрашивает Мото.

– Кратчайшее расстояние между двумя точками, как меня учили, – это прямая, – отвечаю я.

– Лучше не надо, – говорит он. – Я этот район знаю. Там уже океан просто.

– Ерунда, – говорю, – тут мужиком надо быть, больше ничего. Спичка есть?

Подкурил я и бросил его под светофором.

Бетти, крошка, я еду!

Ага.

Вода поднималась все выше, но почтовые грузовики делают высокими. Я срезал угол по жилому кварталу на полной скорости, вода вокруг так и летела. Лило как из ведра. Вокруг – ни машины. Я – единственный движущийся объект.

Крошка Бетти. Ага.

Какой-то парень заржал с крыльца и заорал мне:

– ПОЧТА ДОЛЖНА ПРИЙТИ!

Я обматерил его и показал средний палец.

Тут я заметил, что вода уже заливает дно кабины и бурлит вокруг ботинок, но гнал дальше. Осталось три квартала!

И грузовик замер.

Ох. Ох. Вот говно.

Я сидел и пытался его раскоцегарить. Один раз он завелся, потом снова сдох. Потом совсем перестал дрыгаться. Я сидел и смотрел на воду. Фута два, не меньше. И что мне делать? Сидеть, пока спасателей не пришлют?

Что говорит Почтовая Инструкция? Где она вообще есть? Я не знал ни одного человека, который бы ее видел.

Вот же срань.

Я запер кабину, положил ключи зажигания в карман, шагнул в воду – чуть не по пояс – и побрел к Западному Гаражу. Дождь не переставал. Вдруг вода поднялась еще на три-четыре дюйма. Оказывается, я шел по газону и теперь провалился в кювет. Грузовик остался стоять на чьей-то лужайке.

В какой-то миг я подумал, что вплавь быстрее, потом решил: нет, это будет смешно. Я добрался до гаража и пошел к диспетчеру. Вот он я какой, мокрее уже не бывает, а он на меня уставился.

Я швырнул ему ключи от кабины и зажигания.

Затем на куске бумаги написал: «Маунтвью-плаза, 3435».

– Ваш грузовик – по этому адресу. Поезжайте и забирайте.

– Хотите сказать, вы его там бросили?

– Хочу сказать, я его там бросил.

Я отошел, отметился, разделся до трусов и встал перед обогревателем. Сверху повесил одежду. Потом поднял голову: в другом углу возле другого обогревателя стоял Том Мото – тоже в одних трусах.

Мы оба заржали.

– Жуть, правда? – спросил он.

– Невероятно.

– Думаешь, Стон это все предусмотрел?

– Черт, конечно! Он даже дождь вызвал!

– Ты тоже застрял?

– Ну да, – ответил я.

– И я.

– Слушай, малыш, – сказал я, – моей машине двенадцать лет. У тебя – новая. Я тут наверняка застрял. Как насчет подтолкнуть, а?

– Ладно.

Мы оделись и вышли наружу. Мото купил машину новой модели недели три назад. Я ждал, пока его двигатель заведется. Ни звука. Ох ты ж господи, подумал я.

Дождем залило весь пол в кабине.

Мото вылез.

– Без толку. Сдохла.

Я попробовал свою безо всякой надежды. Аккумулятор еще как-то шевелился, какая-то искра проскакивала, хоть и слабенько. Я подкачал, дал еще раз. Завелась. Пускай поревет. ПОБЕДА! Я ее хорошенько разогрел. Потом сдал назад и начал подталкивать новую машину Мото. Я толкал его милую. Эта хренотень даже не перднула. Я впихнул его в гараж, оставил там и, выбирая, где повыше и посуше, добрался до Беттиной задницы.

12

Любимым доставщиком у Стона был Мэтью Бэттлз. Бэттлз никогда не приходил на работу в мятой рубашке. Вообще все, что он носил, было новеньким, выглядело новеньким. Кепка, ботинки, рубашка, брюки. Башмаки его сияли по-настоящему, вся одежда, казалось, ни разу не бывала в стирке. Как только рубашка или пара штанов хоть чуточку пачкались, он их выбрасывал.

Стон часто говорил нам, когда Мэтью проходил мимо:

– Вот это – почтальон!

И он не шутил. Его глаза чуть ли не сияли любовью.

А Мэтью стоял у своего ящика, прямой и чистый, отдраенный и выпавшийся, башмаки победно блистали, и смахивал эти письма внутрь с радостью.

– Ты – настоящий почтальон, Мэтью!

– Благодарю вас, мистер Джонстон!

Однажды утром в 5 я зашел и сел ждать за спиной у Стона. Под красной рубашкой тот как-то обмяк.

Мото сидел рядом. Он-то мне и сказал:

– Вчера забрали Мэтью.

– Забрали?

– Ага, за то, что из почты крал. Открывал письма для храма Некалайлы и вытаскивал деньги. На почте пятнадцать лет.

– А как узнали, как он попался?

– Старухи. Старухи слали Некалайле письма, полные денег, и не получали в ответ ни спасибочки, ничего. Некалайла сказал на Почтамте, и Почтамт приставил к Мэтью шпика. Его застукали у кипятивника: вскрывал письма и выуживал деньги.

– Без балды?

– Без балды. Средь бела дня влетел. Я откинулся на стенку.

Некалайла построил такой большой храм и выкрасил стены в тошнотно-зеленый цвет – наверно, чтоб бабки напоминал, – и у него работал штат, человек 30–40, которые только распечатывали конверты, вытаскивали чеки и наличку, записывали сумму, отправителя, дату получения и так далее и больше ничем не занимались. Другие рассылали по почте книги и брошюры, написанные Некалайлой, а на стене висела его фотография, большая такая: Н. в жреческих хламидах и бороде, – и живописный портрет Н., тоже очень большой, надзирал за конторой, высматривал.

Некалайла утверждал, что как-то раз шел по пустыне и встретил Иисуса Христа, и Христос ему все рассказал. Они вместе посидели на камне, И.Х. ему все и выложил. А теперь уже сам Некалайла делится секретами с теми, кто может себе это позволить. К тому же каждое воскресенье он проводил службу. Его помощники, они же – паства, приходили на работу и уходили по звонку.

И представьте себе Мэтью Бэттлза, который пытается облапошить Некалайлу, повстречавшего в пустыне Христа!

– А Стону кто-нибудь что-нибудь сказал? – спросил я.

– Ты что – смеешься?

Мы просидели так час или около того. На ящик Мэтью назначили сменщика. Другим подменным дали другие задания. Я остался сидеть один за спиной у Стона. Потом встал и подошел к его столу.

– Мистер Джонстон?

– Да, Чинаски?

– А где сегодня Мэтью? Заболел?

Голова Стона поникла. Он смотрел на бумажку – держал ее в руке и делал вид, что читает.

Я вернулся на место и сел.

В 7 часов Стон обернулся:

– Сегодня для тебя ничего нет, Чинаски.

Я встал и пошел к дверям. Остановился на пороге.

– Доброго вам утра, мистер Джонстон. И приятного дня.

Он не ответил. Я дошел до винной лавки и купил себе полпинты «Дедушки» на завтрак.

13

Голоса у людей были одинаковы: куда бы ни носил почту, слышал одно и то же снова и снова.

– Опоздали, правда?

– А где обычный почтальон?

– Привет, Дядя Сэм!

– Почтальон! Почтальон! Это не нам!

На улицах было полно безумных и тупых. Большинство жило в красивых домах и, казалось, на работу не ходило – непонятно, как им это удавалось. Был один парень, который не разрешал опускать почту в ящик. Он стоял в проезде и наблюдал, как ты подходишь, за два или три квартала – стоял себе и протягивал руку.

Я спрашивал у других, кто разносил почту по этому маршруту:

– А что с тем парнем, который стоит и руку протягивает?

– С каким парнем, который стоит и руку протягивает?

У них у всех тоже был тот голос.

Однажды, когда мне достался этот маршрут, человек-который-стоит-и-протягивает-руку был в полуквартале от дома. Разговаривал с соседом, оглянулся, когда мне оставалось пройти квартал, и понял, что еще успеет дойти до дома и меня встретить. Едва он повернулся ко мне спиной, я рванул. Наверное, так быстро я почту никогда не доставлял: в едином порыве, весь движенье, не останавливаясь, без передышки, я был готов его убить. Письмо уже наполовину пролезло в щель его ящика, и тут он обернулся и увидел меня.

– О НЕТ НЕТ НЕТ! – завопил он. – НЕ КЛАДИТЕ ЕГО В ЯЩИК!

И дернул ко мне по улице. Я видел только сплошной мазок на месте его ног. Должно быть, он сделал сто ярдов за 9,2.

Я вложил письмо ему в руку. Посмотрел, как распечатывает, идет по веранде, открывает дверь и уходит в дом. Что это значило, пусть мне расскажет кто-нибудь другой.

14

Опять я попал на новый маршрут. Стон всегда ставил меня на трудные, но время от времени, в связи с обстоятельствами вещей, был вынужден давать мне маршруты не такие убийственные. Номер 511 шебуршился довольно славно, и там я даже стал подумывать про обед – обед, который никогда не наступал.

Средний жилой район. Многоквартирных зданий нет. Просто один дом за другим, с ухоженными лужайками. Но это был новый маршрут, и я ходил и думал: где же тут ловушка? Даже погода стояла хорошая.

Ей-богу, думал я, у меня получится! Обед, назад – по графику! Жизнь наконец стала сносной.

Эти люди даже собак не держали. Никто не стоял снаружи, дожидаясь писем. Я часами не слышал человеческого голоса. Может, я достиг своей почтовой зрелости, что бы она ни значила. Я шагал дальше, полезный, чуть ли не преданный своему делу.

Помню, один почтальон – из тех, что постарше, – ткнул себя в сердце и сказал:

– Чинаски, когда-нибудь и до тебя дойдет, прямо вот сюда проникнет!

– Что, инфаркт?

– Преданность службе. Вот увидишь. Будешь еще гордиться.

– Чушь!

Но он был искренен. Я думал о нем, пока шел.

Тут мне попало заказное письмо с квитанцией. Я подошел и позвонил в дверь. Открылось окошечко. Лица не видно.

– Заказное письмо!

– Отойдите! – произнес женский голос. – Отойдите от двери, чтобы я лицо увидела.

Ну вот, пожал ста, еще одна ненормальная.

– Послушайте, дамочка, зачем вам мое лицо? Я могу оставить квитанцию в ящике, придете и заберете свое письмо на почте. Документы не забудьте.

Я сунул квитанцию в ящик и начал спускаться с крыльца.

Дверь открылась, и она выскочила. В таком прозрачном неглиже и без всякого лифчика. Одни темно-синие трусики. Непричесана, волосы дыбом, будто пытаются от нее сбежать. На физиономии что-то вроде крема, в основном – под глазами. Кожа на теле белая, будто никогда не видела солнца, нездоровый цвет лица. Рот раззявлен. На нем осталось чуток помады; сложена же она была вся...

Отметил я это, пока она ко мне неслась. Как раз ее письмо засовывал обратно в сумку.

Она заорала:

– Отдайте мое письмо! Я сказал:

– Дама, вам придется...

Она выхватила у меня письмо и побежала к двери, открыла и заскочила внутрь.

Черт возьми! Возвращаться без заказного письма или без подписи нельзя! Там за все расписываться нужно!

– Эй!

Я погнался за ней и всунул ногу в щель как раз вовремя.

– Эй, ЧЕРТ БЫ ВАС ПОБРАЛ!

– Уходите! Уходите! Вы злой человек!

– Слушайте, дамочка! Постарайтесь понять! Вам нужно за это письмо расписаться! Я не могу его просто так вам отдать! Вы грабите почту Соединенных Штатов!

– Уходите, злой человек!

Я налег на дверь всем весом и ввалился в комнату. Внутри было темно. Жалюзи опущены. Все жалюзи в доме были опущены.

– ВЫ НЕ ИМЕЕТЕ ПРАВА ВХОДИТЬ КО МНЕ В ДОМ! ВОН!

– А вы не имеете права грабить почту! Или отдавайте мне письмо, или распишитесь. Тогда я уйду.

– Хорошо. Хорошо. Распишусь.

Я показал ей, где расписываться, и дал ручку. Я смотрел на ее груди и на нее остальную и думал: какая жалость, что она чокнутая, какая жалость, какая жалость.

Она вернула мне ручку и подпись – сплошь каракули. Открыла письмо, начала читать, а я повернулся к выходу.

Тут она оказалась в дверях, расставила руки. Письмо валялось на полу.

– Злой злой злой человек! Вы пришли сюда меня изнасиловать!

– Послушайте, дама, дайте пройти.

– У ВАС ЗЛО НА ЛБУ НАПИСАНО!

– Тоже мне, новость. А теперь пропустите!

Одной рукой я попытался ее оттолкнуть. Она вцепилась ногтями мне в щеку, хорошенько так. Сумку я уронил, кепка скатилась, а когда я иромакивал кровь платком, дамочка дотянулась и гребнула другую щеку.

– АХ ТЫ ПИЗДА! ЧТО, БЛЯДЬ, НЕ ВСЕ ДОМА?

– Вот видите? Видите? Вы злой!

Она прямо вся прижалась ко мне. Я схватил ее за жопу и впился ртом в ее губы. Эти груди ко мне прижимались, она вся ко мне приклеилась. Закинула голову, чтоб подальше от меня...

– Насильник! Насильник! Злой насильник!

Я нагнулся, ртом захватил одну сиську, переключился на другую.

– Насилуют! Насилуют! Меня насилуют!

Она была права. Я спустил ей трусы, расстегнул ширинку, вставил, довел ее задом до кушетки. Мы оба на нее рухнули.

Она задрала ноги повыше.

– НАСИЛУЮТ! – вопила она.

Я ее кончил, застегнул «молнию», подобрал сумку с почтой и вышел, оставив ее спокойно тарашиться в потолок...

Обед я пропустил, но все равно в график не уложился.

– Ты опоздал на пятнадцать минут, – сказал Стон.

Я ничего не ответил. Стон взглянул на меня.

– Бож всемогущий, что у тебя с лицом? – спросил он.

– А у тебя? – спросил я.

– Ты о чем?

– Не грузись.

15

Я опять был с похмелья, опять жара – всю неделю 100 градусов. Каждую ночь происходило пьянство, а с раннего утра и каждый день – Стон и невозможность всего.

Некоторые парни носили африканские шлемы от солнца и темные очки, а я – я был примерно одинаков, дождь ли, солнце: в драной одежде, а башмаки такие древние, что гвозди постоянно впивались мне в подошвы. В ботинки я подкладывал куски картона. Но помогало это лишь временно – скоро гвозди снова вгрызались мне в пятки.

Виски и пиво из меня просто вытекали, фонтанировали из подмышек, а я гнал себе дальше с этой тяжестью на спине, будто с крестом, вытягивал журналы, доставлял тысячи писем, шатаюсь, приваренный к щеке солнца.

Какая-то тетка на меня заорала:

– ПОЧТАЛЬОН! ПОЧТАЛЬОН! ЭТО НЕ СЮДА!

Я оглянулся. Она стояла в квартале от меня вниз по склону, а я уже и так отставал от графика.

– Послушайте, дама, положите это письмо на ящик сверху! Завтра заберем!

– НЕТ! НЕТ! Я ХОЧУ, ЧТОБ ВЫ ЕГО ЗАБРАЛИ СЕЙЧАС!

Она размахивала этой сранью до самых небес.

– Дама!

– ЗАБЕРИТЕ! ЭТО НЕ НАМ! О боже мой.

Я уронил мешок. Затем снял кепку и швырнул ее на траву. Кепка скатилась на мостовую. Я ее бросил и пошел к тетке. Полквартала.

Я подошел и выхватил эту дрянь у нее из рук, повернулся, пошел.

Реклама! Почтовое отправление третьего класса. Что-то насчет распродажи одежды за полцены.

Я подобрал с дороги кепку, натянул на голову. Взгромоздил мешок на хребет слева, зашагал опять. 100 градусов.

Проходил мимо одного дома, и за мной выскочила женщина.

– Почтальон! Почтальон! У вас для меня разве нет письма?

– Дама, если я не положил его вам в ящик, это значит, что почты для вас нет.

– Но я же знаю, что у вас для меня письмо!

– С чего вы взяли?

– Потому что мне позвонила сестра и сказала, что напишет.

– Дама, у меня нет для вас письма.

– Я знаю, что есть! Я знаю, что есть! Я знаю, что оно там!

Она потянулась к пачке писем у меня в руке.

– НЕ ТРОЖЬТЕ ПОЧТУ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ, ДАМА! ДЛЯ ВАС СЕГОДНЯ НИЧЕГО НЕТ!

Я повернулся и пошел.

На крыльце стояла еще одна тетка.

– Вы сегодня поздно.

– Да, мэм.

– А где обычный почтальон?

– Он умирает от рака.

– Умирает от рака? Гарольд умирает от рака?

– Ну да, – сказал я. Я вручил ей почту.

– СЧЕТА! СЧЕТА! СЧЕТА! – завопила она. – И ЭТО ВСЕ, ЧТО ВЫ МНЕ МОЖЕТЕ ПРИНЕСТИ? ЭТИ СЧЕТА?

– Да, мэм, это все, что я могу вам принести.

Я повернулся и ушел.

Я же не виноват, что у них телефоны, и газ, и свет, и что все свои вещи они покупают в кредит. Однако если я приношу им счета, они на меня орут – как будто я просил их устанавливать себе телефон или заказывать на дом телик за 350 баксов без начального платежа.

Следующая остановка – небольшое двухэтажное строение, довольно новое, с 10 или 12 квартирами. Почтовый ящик с замком стоял спереди, под козырьком крыльца. Наконец-то, хоть чуточку тени. Вставляю в замок ключ, открываю.

– ПРИВЕТ, ДЯДЯ СЭМ! КАК ДЕЛА?

Это было громко. Я не ожидал услышать голос этого мужика из-за спины. Он просто заорал на меня, а с бодуна я нервный. Я аж подскочил от неожиданности. Это слишком. Я вытащил ключ из замка и обернулся. Кроме сетчатой двери, ничего не видно. Кто-то стоял там. Под кондиционером и невидимый.

– Черт бы вас побрал! – сказал я. – Не называйте меня Дядей Сэмом! Я вам не Дядя Сэм!

– О, так ты умник, э? За пару центов я б вышел и тебе по заднице надавал!

Я поднял сумку и грохнул ею об пол. Журналы и письма разлетелись. Придется весь отрезок перекладывать. Я сорвал с головы кепку и шваркнул о цемент.

– А НУ, ВЫХОДИ, СУКИН СЫН! ОХ, ГОСПОДИ ВСЕМОГУЩИЙ, А НУ ВЫХОДИ! ВЫХОДИ, ВЫХОДИ, КОМУ ГОВОРЯТ!

Я был готов его прикончить.

Никто не вышел. Ни звука. Я посмотрел на сетчатую дверь. Ничего. Как будто квартира пуста. На какой-то миг я подумал зайти. Затем повернулся, опустился на колени и стал собирать письма и журналы. Та еще работка без сортировочного ящика. Через двадцать минут я все разложил. Засунул несколько писем в ящик, кинул журналы прямо на крыльцо, закрыл дверцу, повернулся и снова посмотрел на сетчатую дверь. По-прежнему ни звука.

Я заканчивал маршрут, ходил и думал: ну что ж, он позвонит и скажет Джонстону, что я ему угрожал. Когда вернусь, лучше подготовиться к худшему.

Я распахнул дверь: Стон сидел за столом, что-то читал.

Я стоял, глядя на него сверху вниз, ждал.

Стон глянул на меня, перевел взгляд на то, что читал.

Я стоял, дожидаясь, и дальше. Стон читал.

– Ну, – наконец вымолвил я, – что там с этим?

– Что там с чем? – Стон поднял голову.

– СО ЗВОНКОМ? ГОВОРИ, ЧТО ТАМ СО ЗВОНКОМ! НЕ СИДИ ПРОСТО ТАК!

– С каким звонком?

– Тебе что, насчет меня не звонили?

– Звонили? Что случилось? Ты что там делал? Что ты натворил?

– Ничего.

Я пошел и сдал свое барахло.

Парень не позвонил. Никакая не милость с его стороны. Он, вероятно, подумал, что, если позвонит, я вернусь.

По пути к ящику я прошел мимо Стона.

– Что ты там натворил, Чинаски?

– Ничего.

Мои действия так заморочили Стона, что он забыл мне сообщить, что я задержался на 30 минут, и не записал опоздание.

16

Как-то ранним утром я раскладывал почту рядом с Дэ-Гэ. Так его все и называли: Дэ-Гэ. На самом деле его звали Джордж Грин. Но уже очень много лет его звали просто Дэ-Гэ, и со временем он стал похож на Дэ-Гэ. Он работал почтальоном с двадцати лет, а сейчас ему было под семьдесят. Голоса у него уже не было. Он не разговаривал. Он кряхтел. Но даже когда он кряхтел, произносил он немного. Его и не любили, и не презирали. Он просто был. Все лицо его изрыли морщины: странные овраги и курганы непривлекательной плоти. Никакого света оно не излучало. Просто задубевший старикан, который делает свое дело: Дэ-Гэ. Глаза – как пустые комочки глины, оброненные в глазницы. Лучше всего о нем не думать и не смотреть на него.

Но Дэ-Гэ, со всем своим старшинством, работал на одном из самых легких маршрутов, на самом краешке богатого района. Вообще район можно было считать богатым. Дома хоть и старые, но большие, в основном – в два этажа. Широкие газоны стриглись и освежались садовниками-японцами. Там жили какие-то кинозвезды. Знаменитый карикатурист. Автор бестселлеров. Два бывших губернатора. Никто никогда с тобой не заговаривал. Ты никогда никого не видел. Единственное – в самом начале маршрута, где стояли дома подешевле, тебя доставали дети. В смысле, сам Дэ-Гэ был холостяком. И у него имелся такой свисток. В начале маршрута он становился, высокий и прямой, вытаскивал большой свисток и дул в него, а слюна летела во все стороны. Сообщал детям, что он пришел. Для детей он носил конфеты. И дети выбегали, и он раздавал им конфеты, идя по улице. Старый добрый Дэ-Гэ.

Я узнал про конфеты в первый раз, когда получил его маршрут. Стону не хотелось мне его давать – слишком легкий, – но иногда ничего другого не оставалось. И вот я шел, а этот малец выскочил и спрашивает:

– Эй, а где моя конфетка? И я ответил:

– Какая конфетка, малец? И малец сказал:

– Моя конфетка! Я хочу свою конфетку!

– Слушай, малец, – сказал я, – ты, небось, сумасшедший. Тебя что, мама просто так на улицу отпускает?

Малец посмотрел на меня очень странно.

Но однажды Дэ-Гэ попал в беду. Старый добрый Дэ-Гэ. Он встретил в своем квартале новую маленькую девочку. И дал ей конфетку. И сказал:

– Ох какая же ты хорошенькая девочка! Вот бы мне такую!

А ее мать сидела у окошка, все слышала и выскочила с воплями, обвиняя Дэ-Гэ в приставании к малолетним. Она ничего про Дэ-Гэ не знала, поэтому когда увидела, как он дал девочке конфетку, и услышала, что он сказал, решила, что это чересчур.

Старый добрый Дэ-Гэ. Обвиненный в приставании к малолетним.

Когда я зашел, Стон по телефону пытался объяснить матери, что Дэ-Гэ – уважаемый человек. Дэ-Гэ просто сидел перед ящиком, ошеломленный.

Когда Стон закончил и повесил трубку, я сказал ему:

– Не следовало отсасывать у этой бабы. У нее грязные мозги. У половины матерей в Америке, с их драгоценными пиздищами и драгоценными дочурками, у половины матерей в Америке – грязные мозги. Велел бы ей засунуть себе в жопу. Дэ-Гэ и пипиську свою уже поднять не сможет, сам знаешь.

Стон покачал головой:

– Нет, общественность – это динамит! Просто динамит!

Больше он ничего сказать не мог. Я уже видел Стона таким раньше – когда он прогибался, и упрасивал, и объяснял каждому психу, который звонил по любому поводу...

Я раскладывал почту рядом с Дэ-Гэ на маршруте 501, не очень плохом. Мешок я поднимал с трудом, но это было возможно и давало хоть какую-то надежду.

Хоть Дэ-Гэ и знал, что у него в ящике все пока вверх тормашками, руки его шевелились все медленней. Он просто-напросто разложил слишком много писем в своей жизни – и даже его омертвевшее к ощущениям тело наконец взбунтовалось. Несколько раз за утро я замечал, как он сбивается. Он останавливался и покачивался, впадал в транс, встряхивался и впихивал в мешок еще несколько писем. Мне этот человек был не особо симпатичен. Он прожил отнюдь не храбрую жизнь и оказался более или менее порядочным куском дерьма. Но всякий раз, когда он сбивался, что-то во мне шевелилось. Будто верный конь, который больше не может идти. Или старая машина, что как-то утром просто-напросто сдалась.

Почта была тяжелой, и, пока я наблюдал за Дэ-Гэ, меня охватил смертный озноб. Впервые за 40 с лишним лет он может пропустить утреннюю развозку! Если человек так гордится своей работой и профессией, это же целая трагедия. Я пропустил множество утренних развозок, и мне приходилось возить мешки к ящикам в собственной машине, но мое отношение было несколько иным.

Он снова сбился.

Боже всемогущий, подумал я, неужели больше никто не замечает?

Я оглянулся: всем трын-трава. Все они время от времени признавались в любви к нему: «Дэ-Гэ – хороший мужик». Но теперь «хороший мужик» тонул, и никому никакого дела. Наконец передо мной осталось меньше почты, чем перед Дэ-Гэ.

Может, помочь ему разобраться хотя бы с журналами, подумал я. Но подошел сортировщик и накидал мне еще больше, и я снова почти сравнялся с Дэ-Гэ. Обоим придется круто. Я на миг запнулся, потом стиснул зубы, расставил ноги пошире, пригнулся, будто мне по мозгам только что дали, и шуранул внутрь массу писем.

За две минуты до готовности к отправке и Дэ-Гэ, и я разобрали все письма, разложили и упаковали журналы, проверили авиапочту. У нас обоих получится. Я волновался напрасно. Тут подошел Стон. Он нес две связки рекламы. Одну дал Дэ-Гэ, вторую – мне.

– Их надо включить, – сказал он и отошел.

Стон знал, что мы не сможем включить эту рекламу, вытащить мешки и встретить грузовик вовремя. Я устало обрезал шнурки на пачке и начал раскладывать. Дэ-Гэ просто сидел и смотрел на связку.

Потом опустил голову, положил ее на руки и тихо заплакал.

Я не верил своим глазам.

Я оглянулся.

Остальные почтальоны даже не смотрели на Дэ-Гэ. Они снимали свои письма, сортировали их, смеялись и болтали.

– Эй, – окликнул я их пару раз, – эй! Но они даже не взглянули на Дэ-Гэ.

Я подошел к нему. Тронул его за руку.

– Дэ-Гэ, – сказал я, – может, тебе помочь?

Он отскочил от своего ящика и побежал по лестнице наверх, в мужскую раздевалку. Я смотрел, как он убегает. Никто вроде бы не заметил. Я засунул еще несколько писем, затем побежал вверх по лестнице сам.

Он сидел за одним из столов, уронив голову на руки. Только теперь он не плакал тихонько. Он всхлипывал и подвывал. Все его тело сотрясалось в конвульсиях. И успокоиться он не мог.

Я сбежал вниз, мимо остальных почтальонов, к столу Стона.

- Эй, эй, Стон! Господи боже, Стон!
- Что такое? – спросил он.
- Дэ-Гэ поехал! А всем плевать! Он наверху плачет! Ему помочь надо!
- Кто на его маршруте?
- Какая, к черту, разница? Говорю тебе, он заболел! Ему помощь нужна!
- Надо поставить кого-то на его маршрут!

Стон поднялся из-за стола, обошел комнату, глядя на своих почтальонов, будто где-то мог завалиться один лишний. Затем шмыгнул за свой стол.

– Слушай, Стон, кто-то должен отвезти его домой. Скажи мне, где он живет, и я сам его отвезу – во вне рабочее время. Потом разнесу твой чертов маршрут.

Стон поднял голову:

- Кто у тебя на ящике?
- Ох, да к чертям этот ящик!
- ИДИ К СВОЕМУ ЯЩИКУ!

Потом заговорил с другим начальником участка по телефону:

- Алло, Эдди? Слушай, мне тут человек нужен...

Не будет сегодня детям конфет. Я пошел на место. Все почтальоны разошлись. Я начал рассовывать рекламу. На ящике Дэ-Гэ лежала связка нерассортированной. Я снова отставал от графика. И без грузовика остался. Когда в тот день я вернулся поздно, Стон записал мне опоздание.

Я никогда больше не видел Дэ-Гэ. Никто не знал, что с ним случилось. И никто больше его не упоминал. «Хорошего мужика». Преданного своему делу. Ножом по горлу за пачку рекламок местного рынка с его гвоздем сезона – бесплатной коробкой фирменного стирального мыла и купоном на любую покупку свыше 3 долларов.

17

Через три года меня сделали «штатным». Это означало оплаченный отпуск (подменным за отпуск не платили) и 40-часовую неделю с двумя выходными. Стон также вынужден был поставить меня сменщиком на пять разных маршрутов. Вот и все, что мне придется носить, – пять разных маршрутов. Со временем я их неплохо выучу, плюс выучу ловушки на каждом и как срезать углы. С каждым днем будет все легче и легче. Можно начать вырабатывать в себе этот уютный внешний вид.

Почему-то чересчур счастлив я не был. Я не тот человек, кто намеренно ищет себе геморроя, работа по-прежнему тяжела, но старого блеска моих подменных дней ей как-то не хватало – не-знать-что-к-чертовой-матери произойдет дальше.

Несколько штатных подошли и пожали мне руку.

– Поздравляем, – сказали они.

– Ага, – ответил я.

Поздравляем с чем? Я ничего не сделал. Теперь я стал членом клуба. Одним из парней. Я мог остаться в нем на много лет, в конечном итоге заработать собственный маршрут. Принимать подарки на Рождество от своих получателей. А если бы забюллетенил, они бы выговаривали какому-нибудь несчастному ублюдку-подменному: «А где сегодня наш обычный? Вы опоздали. Наш обычный никогда не опаздывает».

В общем, приехали. А потом вышел циркуляр, запрещающий держать форменные кепки или оборудование на доставочных ящиках. Большинство народу их туда складывало. Это ничему не мешало, и не нужно было всякий раз бегать в раздевалку. Теперь, после того как три года я клал сюда свою кепку, мне запретили это делать.

Ну а я по-прежнему являлся на работу с бодуна и совершенно не задумывался о таких вещах, как кепки. И моя лежала там и на следующий день после выхода приказа.

Подбежал Стон со своей докладной. Он сказал, что держать любое оборудование на доставочном ящике – против правил и инструкций. Я положил докладную в карман и продолжал рассовывать письма. Стон повертелся в своем кресле, наблюдая за мной. Остальные почтальоны убрали кепки в шкафчики. Кроме меня и еще одного – некоего Марти. А Стон подходит к Марти и говорит:

– Так, Марти, ты читал приказ. Твоей кепки на ящике быть не должно.

– Ой, простите, сэр. Привычка, знаете ли. Извините. – Марти убрал кепку с ящика и побежал с нею наверх, в раздевалку.

На следующее утро я снова забыл. Стон снова подошел с докладной.

В ней говорилось, что хранить любое оборудование на доставочном ящике противоречит правилам и инструкциям.

Я положил докладную в карман и продолжал распахивать письма.

На следующее утро я, как только вошел, сразу увидел, что Стон за мной наблюдает. Он очень тщательно относился к наблюдениям за мной. Он ждал, что я стану делать с кепкой. Я дал ему немного подождать. Потом снял кепку с головы и положил на ящик.

Стон подбежал с докладной.

Я не стал ее читать. Я отшвырнул ее в мусорную корзину, оставил кепку на месте и продолжал сортировать письма.

Я слышал, как Стон колотит по машинке. В треске клавиш слышался гнев.

Интересно, как он научился печатать, подумал я.

Он опять подошел. Протянул мне вторую докладную.

Я посмотрел на него:

– Мне не нужно ее читать. Я знаю, что там написано. Там написано, что я не прочел первую докладную.

Я кинул вторую докладную в корзину. Стон побежал назад к машинке. Вручил мне третью докладную.

– Слушай, – сказал я, – я знаю, о чем говорится в них всех. Первая была про то, что я держал кепку на ящике. Вторая – про то, что я не прочел первую. Третья – что не прочел либо первую, либо вторую.

Я посмотрел на него и уронил докладную в мусор, не прочитав.

– Ну вот – я могу их выбрасывать так же быстро, как ты их печатаешь. Это может длиться часами, и вскоре один из нас будет выглядеть идиотом. Тебе решать.

Стон вернулся к своему креслу и сел. Больше он не печатал. Просто смотрел на меня.

Назавтра я не пришел. Проспал до полудня. Звонить не стал. Потом пошел в Федеральное здание. Рассказал им о своей цели. Меня поставили перед столом худенькой старушонки. Волосы у нее были седыми, а шейка – очень тоненькой и посередине изгибалась под неожиданным углом. Шея толкала ее голову вперед, и она смотрела на меня поверх очков.

– Да?

– Я хочу уволиться.

– Уволиться?

– Да, уволиться.

– И вы – штатный доставщик?

– Да, – ответил я.

– Ц, ц, ц, ц, ц, ц, ц, – зацокала она сухоньким язычком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.